

Бресть-Литовскъ

(Изъ мемуаровъ Оттокара Чернина)

Лѣтомъ 1917 года мы получили извѣстіе, указывающее на вѣроятность заключенія мира съ Россіей. Донесеніе отъ 13 іюня 1917 года, которое я получилъ изъ одной нейтральной страны, гласило:

«Русская печать какъ буржуазная, такъ и социалистическая отражаютъ слѣдующія явленія:

На фронтѣ и въ тылу происходятъ ожесточенные споры относительно требованія союзниковъ начать наступленіе противъ центральныхъ державъ, требованіе, которое поддерживаетъ Керенскій своими многочисленными рѣчами, произносимыми имъ на всѣхъ частяхъ фронта. Большевики, т.-е. социаль-демократы, подчиняющіеся руководству Ленина, и ихъ печать рѣшительно выступаютъ противъ такого наступленія. Но и большая часть меньшевиковъ, т.-е. партія Чхеидзе, въ которую входятъ и нынѣшніе министры Церетели и Скобелевъ, противъ наступленія, и это противорѣчіе мнѣній угрожаетъ и такъ лишь съ трудомъ поддерживаемому единству партіи. Часть меньшевиковъ, такъ называемые интернаціоналисты, такъ какъ они хотятъ возсоздать интернаціональ — ихъ также называютъ циммервальдцами или кинтальцами — подчиняющіеся руководству возвратившагося изъ Америки Троцкаго (собственно Бронштейна), а также возвратившимся изъ Швейцаріи Лариву, Мартову, Мартынову и т. д. въ этомъ вопросѣ, какъ и въ вопросѣ о вхожденіи социаль-демократовъ меньшевиковъ въ составъ Временнаго Правительства въ рѣшительномъ противорѣчій съ большинствомъ партіи. Это было причиной того, что Левъ Дейчъ, одинъ изъ основателей Марксистской социаль-демократіи, открыто заявилъ на партійномъ съѣздѣ о своемъ выходѣ изъ партіи, которая, по его мнѣнію, является недостаточно патріотической и не требуетъ «конечной побѣды». Онъ вмѣстѣ съ Георгіемъ Плехановымъ является главной опорой группы русскихъ «социаль-патріотовъ», которая по названію своей газеты именуется «Единствомъ», но ни своей численностью, ни своимъ вліяніемъ не играетъ особенной роли. Такимъ образомъ, «Рабочая Газета», являющаяся официальнымъ органомъ меньшевиковъ, вынуждена занимать промежуточную позицію и печатаетъ больше статьи, направленные противъ наступленія.

И въ партіи социалистовъ-революціонеровъ, которую въ правительствѣ представляетъ министръ земледѣлія Черновъ, и которая б. м. является самой сильной русской партіей, т. н. ей удалось подчинить себѣ все крестьянское движеніе — на Всероссийскомъ Съѣздѣ крестьянскихъ депутатовъ въ Центральный Комитетъ были избраны преимущественно социалисты-революціонеры и ни одинъ социаль-демократъ — и въ партіи социалистовъ-революціонеровъ, какъ кажется, самая многочисленная и вліятельная группа высказывается рѣшительно противъ наступленія. Это ясно

проявляется въ главныхъ партійныхъ органахъ, въ «Дѣлѣ Народа» и въ «Землѣ и Волѣ». Только малая и, повидимому, мало вліятельная часть партіи, группирующаяся вокругъ органа «Воля Народа», безусловно высказывается, какъ и Пехановская группа и буржуазная печать, за наступленіе для облегченія положенія союзниковъ. Въ противоположность атому, партія Керенскаго — трудовики, какъ и близко къ нимъ стоящіе народные социалисты, представителемъ которыхъ въ правительствѣ является министръ продовольствія Пѣшехововъ, еще не составила окончательнаго мнѣнія, должна ли она въ этомъ случаѣ слѣдовать Керенскому. Устная информация, какъ и замѣтки въ русскихъ газетахъ, какъ напримѣръ въ «Рѣчи», утверждаютъ, что состояніе здоровья Керенскаго таково, что оно заставляеть опасаться возможности его смерти въ ближайшее время. Официальный органъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ «Извѣстія» часто и очень настойчиво подчеркиваютъ необходимость наступленія. Характерно, что когда рѣчь министра земледѣлія Чернова на крестьянскомъ съѣздѣ получила толкованіе, что онъ противъ наступленія, то онъ былъ вынужденъ оправдываться въ атомъ толкованіи передъ своими коллегами по кабинету.

И если, такимъ образомъ, въ странѣ по вопросу о наступленіи царить ожесточенная борьба мнѣній, то на фронтѣ по сообщеніямъ русскихъ газетъ всѣхъ партій, — отмѣчающихъ ато то съ радостью, то съ горемъ, — мало настроены начать такое наступленіе. Особенно настроена противъ наступленія пѣхота. Военное одушевленіе можно встрѣтить только среди офицеровъ, кавалеріи или по крайней мѣрѣ среди части ея и среди артиллеристовъ. Характерно, что и казаки стоятъ за войну, во всякомъ случаѣ у нихъ есть для этого и другое основаніе: воспользовавшись успѣхомъ на фронтѣ, свергнуть революціонный порядокъ. Въ то время какъ большинство русскихъ крестьянъ не располагаетъ землею, превышающей 5 десятинъ, а 3 милліона ихъ безземельны, у всякаго казака 40 десятинъ, и при обсужденіи аграрнаго вопроса на эту несправедливость все время указывали. Это является достаточнымъ основаніемъ для особливаго положенія, занимаемаго казаками по отношенію къ революціи, а также и для того, почему они всегда были самой вѣрной опорой царя.

Крайне характерными для настроенія на фронтѣ являются слѣдующіе факты:

Въ засѣданіи отъ 30 мая Всероссийскаго Съѣзда офицерскихъ делегатовъ одинъ изъ представителей офицеровъ 3-го Елизаветградскаго гусарскаго полка, выступившій въ защиту наступленія, сдѣлалъ, по сообщенію „Рѣчи“ отъ 31 мая, слѣдующее характерное заявленіе: «Вы всѣ знаете, какіе размѣры приняла безпорядки на фронтѣ. Пѣхота перерѣзаетъ телефонные провода, соединяющіе ее съ артиллеріей. Пѣхота ваявляетъ, что солдаты больше мѣсяца на фронтѣ не останутся, но разойдутся по домамъ».

Очень поучительно также описаніе одного изъ делегатовъ фронта, сопровождавшаго французскихъ и англійскихъ социалистовъ большинства въ ихъ поѣздкѣ по фронту. Это описаніе опубликовано органомъ меньшевиковъ, «Рабочей Газетой», т.-е. газетой Чхеидзе, Церетели и Скобелева въ номерахъ отъ 18 и 19 мая. Этимъ социалистамъ Антанты было съ возможной ясностью сказано на фронтѣ, что русская армія не хочетъ и не можетъ долѣе сражаться за имперіалистическія цѣли Англии и Франціи. Положеніе транспорта, продовольствія, фуража, а также и опасность, которой подвергаются завоеванія революціи отъ затягиванія войны, требуютъ быстрого окончанія войны. Представители французскихъ и англійскихъ социалистовъ не безъ неудовольствія столкнулись съ такимъ настроеніемъ на фронтѣ. Къ тому же, отъ нихъ еще потребовали, чтобы они обязались сообщить объ этихъ своихъ впечатлѣніяхъ и на западномъ фронтѣ (во Франціи). Очень зло отзываются также и объ Америкѣ; представители фронта открыто говорятъ о грабительской политикѣ Америки по отношенію

къ Европѣ и союзникамъ. вмѣстѣ съ этимъ требуютъ возможно болѣе скорого созыва Интернаціональной Соціалистической Конференціи и поддержки таковой со стороны англійскихъ и французскихъ соціалистовъ большинства. На одномъ изъ собраній на фронтѣ французскіе и англійскіе соціалисты получили слѣдующій отвѣтъ: «сообщите вашимъ товарищамъ, что мы отъ вашихъ правительствъ и народовъ ждемъ твердыхъ заявленій объ отказѣ отъ аннексіи и контрибуцій. Мы не прольемъ ни одной капли крови за империалистовъ русскихъ, нѣмецкихъ или англійскихъ. Мы ожидаемъ самаго быстрого стовора рабочихъ всѣхъ странъ относительно окончанія позорной и угрожающей русской революціи, въ случаѣ своей затяжки, войны. Мы не заключимъ сепаратнаго мира, но скажите вашимъ, чтобы они скорѣе сообщили о своихъ военныхъ цѣляхъ.»

По сообщеніямъ, французскіе соціалисты совершенно измѣнили свое отношеніе. Это повидимому подтверждается извѣстіями относительно позиціи Кашена и Мутэ на съѣздѣ французскихъ соціалистовъ. Въ противоположность этому англичане не идутъ ни на какія уступки, даже и Сандерсъ, который нѣсколько сблизился съ русскими.

Согласно частному сообщенію въ здѣшнемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ министра снабженія Тома стрѣляли во время одной изъ его военныхъ рѣчей на фронтѣ.

Разруху на фронтѣ описываетъ солдатъ или офицеръ Кушинъ въ той же «Рабочей Газетѣ» отъ 24 мая слѣдующимъ образомъ: «Все яснѣе и отчетливѣе проявляется страстное стремленіе къ миру и при этомъ къ какому угодно миру, даже къ сепаратному миру съ потерей десяти губерній, избавляющему отъ страданій войны. Объ этомъ страстно мечтаютъ, хотя объ этомъ еще и не говорятъ въ собраніяхъ и резолюціяхъ, и всѣ сознательные элементы арміи борются съ таковымъ направленіемъ стремленія въ миру». Чтобы это парализовать есть только одинъ путь: солдаты должны увидѣть упорную борьбу демократіи за миръ и быстрое окончаніе войны.

Созываемый на 1/14 іюня въ Петербургѣ Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ при участіи представителей фронтовыхъ организацій имѣетъ слѣдующій первый пунктъ порядка дня: Война. Вопросы обороны и борьба за миръ. Къ этому времени правительство навѣрное должно будетъ выступить съ сообщеніемъ относительно поступившихъ еще до начала іюня отвѣтовъ союзниковъ о цѣляхъ войны. Этотъ съѣздъ по всей вѣроятности окончательно рѣшитъ вопросъ о принятіи участія въ Стокгольмской Конференціи и назначитъ представителей. Пунктомъ четвертымъ порядка дня является національный вопросъ. Между Петербургскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и засѣдающимъ въ Кіевѣ солдатскимъ съѣздомъ произошло открытое столкновеніе по вопросу о формированіи Украинской арміи. Организація самостоятельнаго «Центрального Украинскаго военнаго комитета» только углубила этотъ конфликтъ. Относительно все увеличивающейся внутренней разрухи, обостренія національнаго вопроса, а также увеличивающихся аграрныхъ и заводскихъ неурядицъ послѣдуютъ дальнѣйшія систематическія сообщенія.»

Въ концѣ ноября я написалъ одному изъ моихъ друзей слѣдующее письмо, которое я привожу здѣсь *in extenso* и которое точно передаетъ мою тогдашнюю оцѣнку положенія.

Вѣна 17 ноября 1917 года

Дорогой другъ, послѣ долгаго дня заботъ, непріятностей и трудовъ я хочу тебѣ писать, чтобы отвѣтить на твои столь заслуживающія вниманія соображенія; сношенія съ тобой отвлекаютъ мое вниманіе и позволяютъ хоть на короткое время забывать повседневныя невзгоды.

Ты нишешь мнѣ, что ты слышалъ, что отношеніе императора ко мнѣ ухудшилось, и ты сожалѣешь объ этомъ. Дз, я тоже объ этомъ сожалѣю, хотя бы уже потому, что это до невыносимости увеличиваетъ тренія повседневной работы, ибо лишь только это обнаруживается, а это обнаруживается очень скоро, какъ сейчасъ же всё мои враги, мужчины и женщины, съ обновленной силой устремляются въ это слабое мѣсто въ надеждѣ сбросить меня; люди похожи на хищныхъ птицъ, они на большомъ разстояніи чувтъ падалъ — падалъ это я, и мзсами слетаются. И право достойна удивленія та ложь, которую они способны выдумать, и тѣ интриги, которыя они умѣютъ сплести для того, чтобы этимъ увеличить уже начавшееся расхожденіе. Ты спрашиваешь, кто изъ моихъ враговъ самый злостный.

Прежде всего это тѣ, о которыхъ ты самъ догадываешься.

Во вторыхъ, это враги, которые есть у всякаго министра и которые въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ лицъ, желающихъ стать на его мѣсто и, наконецъ, въ третьихъ, это политическіе клоуны изъ жокей-клуба, обиженные тѣмъ, что они ожидали отъ меня всякихъ личныхъ преимуществъ, а я ихъ выгналъ вонъ. Последняя группа забавна, вторая — опасна, но первая — смертельна.

Такимъ образомъ, я въ ни коемъ случаѣ долго не останусь министромъ. Благодареніе Богу, избавленіе блиако. Я очень хотѣлъ бы только поскорѣе покончить съ Россіей и такимъ образомъ, быть можетъ, создать воаможность общаго мира. Извѣстія изъ Россіи все настойчивѣе указываютъ, что русское правительство безусловно и какъ можно скорѣе хочетъ заключить миръ. Нѣмцы же въ этомъ случаѣ совершенно увѣрены въ успѣхѣ. Если они смогутъ перебросить свои массы на западъ, то они не сомнѣваются, что они прорвутъ фронтъ, займутъ Парижъ и Калэ и будутъ непосредственно угрожать Англии. Такой успѣхъ, однако, можетъ дать миръ, если тогда удастся склонить Германію отказаться отъ завоеваній. Я во всякомъ случаѣ не могу себѣ представить, чтобы Антанта послѣ потери Парижа и Калэ не согласилась бы на миръ *inter pares*; во всякомъ случаѣ, прійдется употребить чрезвычайныя усилія. Гинденбургъ до сихъ поръ выполнилъ все, что онъ предсказалъ, — это надо за нимъ признать, и вся Германія твердо вѣрится въ ожидающіе ее успѣхи на западѣ — необходимой предпосылкой конечно является освобожденіе отъ восточнаго фронта, т.-е. миръ съ Россіей. Такимъ образомъ русскій миръ можетъ быть первой ступенью на лѣстницѣ всеобщаго мира.

Въ послѣдніе дни я получилъ достовѣрные извѣстія о большевикахъ. Ихъ вожаки почти исключительно евреи, руководящіеся совершенно фавтастическими идеями; и я не завидую странѣ, которой они управляютъ. Но насъ, конечно, интересуешь, въ первую голову, ихъ желаніе мира; оно повидимому дѣйствительно существуетъ: они не могутъ продолжать войны.

Въ кабинетѣ представлены три теченія; первое изъ нихъ не хочетъ серьезно считаться съ Ленинымъ и считаетъ его недолговѣчнымъ, второе — хотя и не раздѣляетъ этого мнѣнія, но противится веденію переговоровъ съ такого рода революціонерами, и, наконецъ, третье, защищаемое, на сколько мнѣ извѣстно, мною однимъ, желаетъ вести переговоры несмотря на возможную недолговѣчность Ленина и несомнѣнную революцію. Чѣмъ кратче будетъ пребываніе Ленина у власти, тѣмъ поспѣшнѣе надо вести переговоры, ибо никакое послѣдующее русское правительство не возобновитъ войны — создать же себѣ въ качествѣ партнера русскаго Меттерниха я не могу, если его въ дѣйствительности нѣтъ.

Германцы не особенно охотно идутъ на переговоры съ Ленинымъ, повидимому руководясь вышеуказанными причинами; при этомъ они, какъ это часто съ ними бываетъ, непослѣдовательны. Германскіе военные — которые какъ извѣстно ведутъ всю германскую политику, сдѣлали, какъ кажется, все, чтобы свалить Керенскаго

и поставить на его мѣсто «что либо другое». Это «другое» смѣнило Керенскаго и хочеть теперь заключить миръ, надо, слѣдовательно, приступить къ дѣлу, какъ ни велики сомнѣнія, внушаемая такимъ партнеромъ.

Узнать что-либо точное о большевикахъ нельзя, или лучше сказать узнать можно очень многое, но противорѣчивое. Они начинаютъ съ того, что уничтожаютъ все, напоминающее о трудѣ, благосостояніи и культурѣ, и истребляютъ буржуазію. Они повидимому совсѣмъ уже забыли о «свободѣ и равенствѣ» и ихъ программа заключается въ звѣрскомъ подавленіи всего того, что не является пролетаріатомъ. Русская буржуазія почти также труслива и глупа, какъ и наша, и позволяетъ себя рѣзать, какъ барановъ.

Конечно, этотъ русскій большевизмъ представляетъ европейскую опасность и, если бы мы имѣли силы не только добиться для насъ сноснаго мира, но и установить упорядоченныя отношенія въ чужихъ государствахъ, то было бы правильно совсѣмъ не вступать въ переговоры съ этими людьми, пойти походомъ на Петербургъ и возстановить порядокъ; но этихъ силъ у насъ нѣтъ и мы нуждаемся въ самомъ скоромъ мирѣ для нашего спасенія; мы не можемъ получить этого мира, если германцы не возьмутъ Парижа, они же могутъ взять Парижъ только въ томъ случаѣ, если мы освободимся отъ восточнаго фронта. Такъ замыкается кругъ. Это все вещи, которыя утверждаютъ сами германскіе военные и поэтому съ ихъ стороны крайне нелогично, если они, повидимому, теперь начинаютъ говорить другое изъ за личности Ленина.

Я не могъ окончить этого письма позавчера, постараюсь это сдѣлать сегодня.

Вчера была опять сдѣлана попытка, ты, конечно, угадываешь кѣмъ, выяснитъ мнѣ преимущество сепаратнаго мира. Я говорилъ объ этомъ императору и сказалъ ему, что это напомнило бы мнѣ поведение челоуѣка, стрѣляющагося пзъ за страха смерти. Я не могу въ этомъ принять участіе, но всегда готовъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ уйти, а онъ, конечно, найдетъ людей, готовыхъ предпринять такую попытку. Лондонская конференція постановила раздѣлить монархію и въ этомъ постановленіи заключенный нами сепаратный миръ, конечно, ничего не измѣнитъ. Румыны, сербы, итальянцы должны получить громадныя части нашей территоріи, у насъ отнимаютъ Триестъ, а остатокъ дѣлится на рядъ государствъ: на Чешское, Польское, Венгерское и Нѣмецкое. Связь этихъ новыхъ государствъ будетъ чрезвычайно слаба и, другими словами, сепаратный миръ приведетъ къ тому, что Австро-Венгрію раньше изуродуютъ, а потомъ раздробятъ. Но прежде, чѣмъ мы придемъ къ этому результату, мы должны будемъ еще продолжать войну и прежде всего противъ Германіи, которая, конечно, сейчасъ же заключить миръ съ Россіей и оккупируетъ Австро-Венгрію. Германскіе генералы не будутъ такъ глупы, чтобы ждать пока Антанта нападетъ на Германію черезъ Австрію, но постараются Австрію обратить въ поле войны. Такимъ образомъ мы этимъ не закончимъ войны, но лишь перемѣнимъ противника и предоставимъ отдѣльныя, до сихъ поръ пощаженныя области, какъ Тироль и Богемію, ужасамъ войны — чтобы въ концѣ концовъ добиться собственнаго расчлененія.

Съ другой стороны, мы, быть можетъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сможемъ вмѣстѣ съ Германіей получить общій миръ — сносный, миръ соглашенія — если удастся германская оффензива. Императоръ по большей части молчитъ, а среди его приближенныхъ одни тянутъ направо, другіе налево; при такомъ положеніи мы ничего не выигрываемъ у Антаны и непрерывно теряемъ довѣріе въ Берлинѣ. Если хотять перекинуться на сторону враговъ, то пусть ужъ это сдѣлаютъ; но постоянно дѣлать видъ предателей, не рѣшаясь на предательство, такую политику я не могу признать умной.

Я думаю, что мы добьемся сноснаго, соглашательскаго мира; мы должны будемъ кое что уступить Италіи и, конечно, ничего за это не получимъ, мы должны будемъ

дальше изменить всю структуру империи, на манеръ Fédération Danubienne, какъ этого хотятъ во Франціи — но мнѣ не вполне ясно, какъ можно будетъ провести это изменение противъ воли венгерцевъ и нѣмцевъ. Но я надѣюсь, что мы переживемъ войну и нашимъ врагамъ придется пересмотрѣть постановленіе ихъ Лондонской конференціи. Пусть только старый Гинденбургъ войдетъ въ Парижъ и тогда Антанта скажетъ спасительное слово, что она готова приступить къ переговорамъ. Тогда я твердо рѣшилъ пойти на крайнія мѣры, открыто обратиться къ народамъ центральныхъ государствъ и спросить ихъ, хотятъ ли они ради завоеваній продолжать войну или заключить миръ.

Какъ можно скорѣе покончить дѣло съ Россіей, затѣмъ сломать волю Антанты насъ уничтожить и заключить миръ, хотя бы съ потерями — вотъ мой планъ и та надежда, которой я живу. Конечно, послѣ взятія Парижа всѣ «руководящіе круги» — кромѣ императора Карла — потребуютъ «хорошаго» мира, а такого мира мы ни въ какомъ случаѣ не получимъ, и я возьму на себя одиумъ за то, «что испортилъ мирный договоръ».

Такъ, думаю я, выйдемъ мы съ подбитымъ глазомъ изъ войны. Но старыя времена никогда не вернуться. Новый міропорядокъ родится въ бояхъ и схваткахъ, я объ этомъ нѣсколько времени тому назадъ открыто говорилъ въ моей рѣчи въ Будапештѣ при общемъ неодобреніи.

Письмо вышло длиннымъ и теперь поздняя ночь. Будь здоровъ и не оставляй меня своими письмами.

Твой старый другъ

Чернинъ.

Описаніе мирныхъ переговоровъ въ Брестъ Литовскѣ я беру изъ своего дневника. Несмотря на кое-какія ошибочные взгляды, встрѣчающіеся въ ниже приводимыхъ запискахъ и несмотря на различныя мало важныя детали, я его не сокращаю, такъ въ этой своей формѣ онъ даетъ, какъ мнѣ кажется, ясную картину теченія переговоровъ.

19 декабря 1917 года

Отъѣздъ изъ Вѣны въ среду 19-го, въ 4 часа. Сѣверный вокзалъ. Я засталъ на вокзалѣ собравшихся раньше меня Граца, Визьера, Коллоредо, Гауча и Андриана, а также фельдмаршала-лейтенанта Чичеринса и маіора Флеккъ-фонъ-Бадена.

Во время пути я пользуюсь случаемъ, чтобы изложить фельдмаршалу-лейтенанту Чичеринсу мои цѣли и необходимую для ихъ достиженія тактику. Я заявилъ ему, что по моему убѣжденію Россія предложитъ заключить всеобщій миръ и что мы, конечно, должны будемъ поддержать это предложеніе. Я сказалъ ему, что я отнюдь не потерялъ надежды, что въ Брестѣ удастся проложить путь къ общему миру. Въ случаѣ же, если Антанта не откликнется, то тогда по крайней мѣрѣ останется свободнымъ путь къ сепаратному миру. Послѣ этого я велъ продолжительную бесѣду съ начальникомъ отдѣленія Грацомъ и посланникомъ Визнеромъ. Эти разговоры заняли почти весь день.

20 декабря 1917 года

Въ 5 часовъ съ минутами мы прибыли въ Брестъ. На вокзалѣ насъ встрѣчали начальникъ штаба западнаго фронта генералъ Гофманъ со свитой, состоящей приблизительно изъ 10 человекъ, а также посланникъ фонъ Розенбергъ и Мерей. Я вышелъ на перронъ, чтобы поздороваться, и послѣ небольшой бесѣды вернулся въ поѣздъ вмѣстѣ съ Мерей, который изложилъ мнѣ событія послѣднихъ дней. Мерей считаетъ общее положеніе не сквернымъ и думаетъ, что, если не произойдетъ ничего непредвидѣннаго, то намъ удастся въ сравнительно скоромъ времени сѣсть за зеленый столъ.

Въ 6 часовъ я поѣхалъ къ генералу Гофману съ отвѣтнымъ визитомъ и услышалъ отъ него интересныя подробности о психологiи русскихъ делегатовъ, а также и детали, какъ ему удалось такъ счастливо заключить перемиріе. У меня было впечатлѣніе, что Гофманъ соединяетъ съ большимъ знаніемъ дѣла и энергіей большую умѣлость и спокойствіе, но также и большую прусскую грубость, что дало ему возможность добиться отъ русскихъ, несмотря на оказанное въ началѣ противодѣйствіе, чрезвычайно выгодныхъ условій перемирія. Нѣсколько времени спустя пришелъ, какъ это было и условлено, принцъ Леопольдъ Баварскій и я съ нимъ имѣлъ непродолжительную и незначительную бесѣду.

Затѣмъ мы всѣ вмѣстѣ отправились на обѣдъ, въ которомъ принимаетъ участіе весь штабъ восточнаго фронта, состоящій приблизительно изъ 100 человекъ. Картина этого обѣда по всей вѣроятности одна изъ любопытнѣйшихъ, какую только можно видѣть. Роль хозяина игралъ принцъ Баварскій, рядомъ съ принцемъ сидѣлъ председатель русской делегаціи, еврей, недавно выпущенный изъ Сибири, по имени Іоффе, за нимъ генералы и другіе делегаты. Кромѣ упомянутаго Іоффе, самая выдающаяся личность делегаціи это зять русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Троцкаго, по имени Каменевъ, который, также благодаря революціи, былъ выпущенъ изъ тюрьмы и теперь играетъ выдающуюся роль. Третьимъ делегатомъ является madame Биценко, это женщина съ очень богатымъ прошлымъ; ея мужъ мелкій чиновникъ, она сама очень рано примкнула къ революціонному движенію. 12 лѣтъ тому назадъ она убила генерала Сахарова, который былъ губернаторомъ въ какомъ то русскомъ городѣ и за проявленную имъ энергію былъ приговоренъ социалистами къ смерти. Она пошла съ прошеніемъ къ генералу, держа спрятаннымъ подъ передникомъ револьверъ. Когда генералъ сталъ читать прошеніе, она выпустила въ него четыре пули и убила его на мѣстѣ. Она была сослана въ Сибирь, гдѣ провела 12 лѣтъ, отчасти въ одиночномъ заключеніи, а потомъ подъ болѣе мягкимъ арестомъ, и ей тоже революція подарила свободу. Эта замѣчательная женщина, которая въ Сибири такъ изучила французскій и нѣмецкій языки, что она можетъ читать, не умѣя однако говорить, такъ какъ она не знаетъ, какъ слова произносятся, типичная представительница русскаго интеллигентнаго пролетаріата. Она поразительно тиха и замкнута, у нея удивительно очерченная рѣшительная линія рта и иногда страстно вспыхивающіе глаза. Все, что кругомъ нея происходитъ, кажется ей совершенно безразличнымъ; только если рѣчь заходитъ о великихъ принципахъ интернаціональной революціи, она неожиданно пробуждается, у нея измѣняется все выраженіе лица и она начинаетъ напоминать хищное животное, неожиданно увидѣвшее добычу и приготавливающееся броситься на нее.

Послѣ обѣда я имѣлъ свой первый продолжительный разговоръ съ господиномъ Іоффе. Вся его теорія основывается на томъ, что надо ввести во всемъ мірѣ самоопредѣленіе народовъ на возможно болѣе широкой основѣ и затѣмъ побудить эти освобожденные народы взаимно полюбить другъ друга. Что это прежде всего приведетъ къ гражданской войнѣ во всемъ мірѣ, этого господинъ Іоффе не отрицаетъ, но полагаетъ, что такая война которая осуществитъ идеалы человѣчества — война справедливая и оправдывающаяся своей цѣлью. Я ограничился тѣмъ, что указалъ господину Іоффе, что надо было бы раньше на Россіи доказать, что большевизмъ начинаетъ новую счастливую эпоху, и лишь затѣмъ завоевывать миръ своими идеями. Прежде чѣмъ, однако, доказательство на этомъ примѣрѣ не будетъ сдѣлано, Ленину будетъ довольно трудно принудить миръ раздѣлить его воззрѣнія.

Мы готовы заключить всеобщій миръ безъ аннексій и контрибуцій, и ничего не имѣемъ противъ того, чтобы вслѣдъ за тѣмъ русскіе порядки развивались такъ, какъ это кажется правильнымъ русскому правительству. Мы также готовы научиться

чему либо у Россіи и, если ея революція будетъ сопровождаться успѣхомъ, то она принудитъ Европу примкнуть къ ея образу мыслей, хотимъ ли мы этого или нѣтъ. Но пока умѣстѣнъ самый большой скептицизмъ, и я указалъ ему, что мы не собираемся подражать русскимъ порядкамъ и категорически запрещаемъ всякое вмѣшательство въ наши внутреивія дѣла. Если же онъ и дальше будетъ исходить изъ своей утопической точки зрѣнія возможности пересадить свои идеи къ намъ, то было бы лучше, если бы онъ немедленно, съ первымъ же поѣздомъ уѣхалъ обратно, ибо въ такомъ случаѣ нѣтъ никакой возможности заключить миръ. Господинъ Іоффе смотрѣлъ на меня удивленно своими мягкими глазами. Онъ помолчалъ немного и затѣмъ сказаалъ навсегда оставшимся у меня въ памяти дружественнымъ, я бы сказаалъ, почти просящимъ тономъ: я все же надѣюсь, что намъ удастся и у васъ устроить революцію.

Въ возможность послѣдней я также вѣрю и безъ благосклоннаго участія Іоффе — это устроить сами народы, если Антанта будетъ по прежнему стоять на своей точкѣ зрѣнія и не захочетъ пойти на уступки.

Удивительные люди эти большевики. Они говорятъ о свободѣ и примиреніи народовъ, о мирѣ и согласіи и вмѣстѣ съ тѣмъ они являются жесточайшими тиранами, которыхъ только знала исторія, — они просто искореняютъ буржуазію и ихъ аргументами являются пулеметы и висѣлицы. Сегодняшній разговоръ съ Іоффе доказалъ мнѣ, что эти люди безчестны и въ лживости своей превосходятъ все, въ чемъ обвиняютъ цеховыхъ дипломатовъ — ибо такъ подавлять буржуазію и одновременно съ этимъ говорить объ осчастливливающей міръ свободѣ — это ложь.

21 декабря 1917 года

Днемъ я поѣхалъ съ своими сотрудниками на завтракъ къ принцу Баварскому. Онъ занимаетъ маленькій замокъ, находящійся на разстояніи получасовой ѣзды на автомобилѣ отъ Бреста. Повидимому, онъ очень интересуется военными дѣлами и много работаетъ.

Первую ночь я провелъ въ своемъ поѣздѣ и во время утренняго завтрака наши служители перетасили вещи въ предоставленное намъ помѣщеніе. Намъ отведенъ небольшой домъ, въ которомъ помѣщаются теперь всѣ члены австро-венгерской делегаціи. Домъ стоитъ рядомъ съ офицерскимъ собраніемъ и въ немъ можно найти весь тотъ комфортъ, котораго здѣсь можно требовать. Весь день я провелъ за работой со своими сотрудниками, а вечеромъ прибыли делегаціи трехъ союзниковъ. Въ этотъ же вечеръ у меня была первая бесѣда съ Кюльманомъ съ глазу на глазъ, и я тотчасъ же твердо установилъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія, что русскіе сдѣлаютъ предложеніе заключить в с е о б щ і й м и р ѣ и что мы должны принять это предложеніе. Кюльманъ, хотя и нѣсколько колеблется, но раздѣляетъ мою точку зрѣнія; конечно, формула предложенія должна гласить: «никто не имѣетъ права дѣлать аннексіи или требовать контрибуцій» — если Антанта пойдетъ на это предложеніе, то наступитъ конецъ этимъ ужаснымъ страданіямъ. Къ сожалѣнію, это мало вѣроятно.

22 декабря 1917 года

Все утро было посвящено первому совмѣстному засѣданію союзниковъ, на которомъ были академически установлены только что мною указанныя, обсужденныя съ Кюльманомъ положенія. Днемъ состоялось первое пленарное засѣданіе, оно было открыто принцемъ Баварскимъ, и на немъ предсѣдательствовала Кюльманъ. Было рѣшено, что предсѣдательство будетъ поочередно передаваться по латинскому алфавиту принимающихъ участіе государствъ, т.-е. Allemagne, Autriche etc. Докторъ Кюльманъ просилъ господина Іоффе изложить намъ принципы, которые по его мнѣнію должны быть положены въ основу будущаго мира и русскій делегатъ вслѣдъ

за этимъ изложилъ уже извѣстные по газетамъ 4 основныхъ положенія. Мы приняли предложеніе къ свѣдѣнію и заявили, что мы послѣ нашего взаимнаго совѣщанія дадимъ воаможно болѣе скорый отвѣтъ. Таково было теченіе перваго краткаго засѣданія мирнаго конгресса.

23 декабря 1917 года

Рано утромъ мы съ Кюльманомъ выработали нашъ отвѣтъ. Онъ уже извѣстенъ изъ газетъ. Работа была чрезвычайно трудна. Кюльманъ лично стоитъ за всеобщій миръ, но онъ боится вмѣшательства военныхъ, желающихъ заключить мѣръ только послѣ полной побѣды; въ концѣ концовъ, намъ удалось составить отвѣтъ. Тогда начались новыя трудности съ турками. Эти заявили, что они должны настаивать, чтобы немедленно послѣ заключенія мира Россія вывела свои войска съ Кавказа. На это требованіе не могли согласиться германцы, ибо оно *implicite* заключало согласіе на одновременный выводъ войскъ изъ Польши, Курляндіи и Литвы, на что Германія не могла пойти. Послѣ жаркихъ споровъ и повторныхъ усилій съ трудомъ удалось заставить турокъ отказаться отъ ихъ требованій. Второе опасеніе турокъ заключалось въ томъ, что Россія не достаточно ясно отказалась отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла. Тѣмъ не менѣе, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что внутреннее положеніе Австро-Венгрии представляетъ еще болѣе благопріятную почву для русскаго вмѣшательства, чѣмъ положеніе Турціи, и что, если это не вызываетъ у меня опасеній, то онъ возьметъ обратно и свои.

Болгары, главой делегаціи которыхъ является министръ юстиціи Поповъ и которые отчасти не понимаютъ по-нѣмецки, а отчасти плохо знаютъ по-французски и поэтому поняли смыслъ нашего отвѣта только потому, заявили, что они свое отношеніе къ нему выскажутъ только 24-го.

24 декабря 1917 года

Утромъ и днемъ чрезвычайно длительныя совѣщанія съ болгарами, во время которыхъ я съ Кюльманомъ, съ одной стороны, и болгарскіе представители, съ другой, ведемъ ожесточенные споры. Болгарскіе делегаты требуютъ включенія въ отвѣтъ спеціального пункта, по которому для Болгаріи дѣлаются исключенія въ формулѣ о недопустимости аннексій и контрибуцій въ томъ смыслѣ, что приобрѣтенія Болгаріей румынскихъ и сербскихъ областей не можетъ считаться аннексіей. Эта оговорка, само собою разумѣется, уничтожила бы совершенно всю нашу работу и мы ни подъ какимъ видомъ не могли на нее согласиться. Бесѣда одно время велась въ очень возбужденномъ тонѣ и болгарскіе делегаты дошли даже до угрозы, что они уйдутъ, если мы не пойдёмъ на уступки. Кюльманъ и моя малость оставались совершенно тверды и заявили имъ, что мы ничего не имѣемъ противъ ихъ отъѣзда, что мы не имѣемъ ничего противъ, чтобы они даже бы дали свой самостоятельный отвѣтъ, но что въ редактированномъ нами отвѣтѣ ничего не будетъ намѣнено. Въ виду того, что эти переговоры ни къ чему не привели, пленарное засѣданіе было отложено на 25-ое и болгарскіе делегаты телеграфно спросили Софію о новыхъ инструкціяхъ.

Болгары получили отрицательный отвѣтъ.

Они очень подавлены и не ставятъ больше никакихъ препятствій при выработкѣ общаго плана дѣйствій. Такимъ образомъ, пока эта сторона дѣла въ порядкѣ.

Днемъ у меня опять былъ споръ съ германцами. Германскіе военные «боятся», что Антанта можетъ согласиться на всеобщій миръ, ибо тогда она можетъ закончить войну «не безъ прибыли». Нельзя слушать этой болтовни. Если имъ дѣйствительно удастся одержать на западномъ фронтѣ большія побѣды, которыхъ такъ опредѣленно ждутъ германскіе генералы, то ихъ требованія станутъ безграничными и еще болѣе затруднять всякіе переговоры.

25 Декабря 1917 года

Сегодня состоялось пленарное засѣданіе, на которомъ мы сообщили русскимъ нашъ отвѣтъ на ихъ мирное предложеніе. Я предсѣдательствовалъ и прочелъ этотъ отвѣтъ, на него отвѣчала Юффе. Такимъ образомъ, предложеніе всеобщаго мира сдѣлано и мы ждемъ отвѣта. Чтобы не терять времени, мы продолжаемъ наши переговоры, касающіеся Россіи. Въ этомъ отношеніи мы сдѣлали большой шагъ впередъ и, быть можетъ, прошли черезъ самое трудное. Возможно, что вчерашній день былъ рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ всемірной исторіи.

26 декабря 1917 года

Въ 9 часовъ утра начались переговоры по специальнымъ вопросамъ. Приготовленная Кюльманомъ программа, касающаяся экономическихъ вопросовъ и вопросовъ представительства, была такъ скоро и гладко принята, что уже въ 11 часовъ засѣданіе должно было быть прервано за отсутствіемъ матеріала. Быть можетъ, это хорошее предзнаменованіе.

Сегодняшній день будетъ использованъ моими сотрудниками тѣмъ, что они занесутъ результаты переговоровъ въ протоколъ; завтра засѣданіе будетъ продолжено, будутъ обсуждаться территоріальные вопросы.

26 декабря 1917 года

Вечеромъ передъ обѣдомъ Гофманъ сообщилъ русскимъ о германскихъ планахъ относительно окраинныхъ областей. Положеніе таково: пока продолжается война на западѣ, германцы не могутъ очистить Курляндіи и Литвы, ибо не говоря о томъ, что они хотятъ удержать ихъ въ качествѣ залога до переговоровъ о всеобщемъ мирѣ, эти области являются еще необходимыми для снабженія арміи. Желѣзнодорожный матеріалъ, фабрики и, прежде всего, продовольствіе необходимы, пока длится война. Естественно, что они не могутъ очистить эти области сейчасъ. Послѣ заключенія мира вопросъ рѣшить право на самоопредѣленіе этихъ областей. Но въ томъ и заключается самая большая трудность, какъ будетъ осуществлено это право на самоопредѣленіе.

Русскіе, конечно, не хотятъ, чтобы голосованіе происходило въ то время, когда въ этихъ областяхъ еще находятся германскіе штыки — а германцы, со своей стороны, утверждаютъ, что безпримѣрный большевистскій терроръ лишитъ выборы всякаго значенія, такъ какъ «буржуа» по мнѣнію большевиковъ не люди.

Моя мысль поручить контроль нейтральному государству была отклонена обѣими сторонами. Во время войны ни одно нейтральное государство не согласится на такую роль, а нѣмецкая оккупация должна прекратиться до общаго мира. De facto обѣ спорящія стороны боятся террора противника и обѣ хотятъ сами его примѣнять. —

У меня много свободнаго времени. То турки еще не готовы, то болгары, то устраиваютъ отдѣльное совѣщаніе русскіе, и засѣданія откладываются или, едва начавшись, обрываются.

Я читаю теперь мемуары изъ французской революціи. Это очень своевременное чтеніе, принимая во вниманіе то, что происходитъ теперь въ Россіи и возможно произойдетъ во всей Европѣ. Тогда не было еще большевиковъ, но тогда въ Парижѣ, какъ теперь въ Петербургѣ были люди, которые подъ лозунгами свободы тиранизировали міръ. Шарлотта Кордэ сказала: я убила не человѣка, но дикаго а вѣря. — Эти большевики тоже исчезнутъ и, кто знаетъ, не найдется ли Кордэ и для Троцкаго.

Одинъ изъ русскихъ рассказывалъ мнѣ о царской семьѣ и о той обстановкѣ, въ которой она жила. Онъ съ большимъ уваженіемъ отзывался о Николаѣ Николаевичѣ, какъ о сильномъ человѣкѣ, поляномъ энергіи и отваги, котораго надо уважать, даже будучи его врагомъ. Въ противоположность ему, царь, будто бы, трусливъ, лживъ и достоинъ презрѣнія. Буржуазія доказала свою неспособность тѣмъ, что она терпѣла

такого императора. Вообще по его мнѣнію всѣ монархи въ большей или меньшей степени дегенераты, и онъ не понимаетъ, какъ можно признавать такую форму правленія, при которой существуетъ опасность, что глава государства можетъ быть дегенератомъ. Я возражалъ ему, что у монархіи прежде всего то преимущество, что по крайней мѣрѣ одно мѣсто въ государствѣ не является объектомъ личнаго карьеризма; что же касается дегенерации, то это часто дѣло точки зрѣнія; есть также дегенеративныя некоронаванныя главы государствъ. По мнѣнію моего собесѣдника, этой опасности нѣтъ, если онъ выбирается народомъ. Я отвѣчалъ, что г-нъ Ленинъ, напримѣръ, не былъ избранъ и мнѣ кажется сомнительнымъ, былъ ли бы онъ избранъ, если бы выборы прошли свободно, безъ давленія. — Быть можетъ, и въ Россіи можно найти людей, которые со своей стороны обвиняютъ его въ дегенеративности.

27 декабря 1917 года

Русскіе въ отчаяніи; часть ихъ хочетъ уѣзжать. Они думали, что германцы просто откажутся отъ оккупированныхъ областей и отдадутъ ихъ большевикамъ. Длительныя совѣщанія между русскими, Кюльманомъ и мною. Время отъ времени въ нихъ принимаетъ участіе и Гофманъ. Я формулировалъ слѣдующія положенія:

I. Пока не заключенъ всеобщій миръ, мы не можемъ отдать оккупированныя области; онѣ являются областями, снабжающими наши арміи (фабрики, дороги, воздѣлываемыя поля и т. д.).

II. Послѣ заключенія всеобщаго мира въ Польшѣ, Курляндіи и Литвѣ должно произойти народное голосованіе, которое рѣшитъ судьбу этихъ народовъ. Форма этого голосованія подлежитъ еще обсужденію, дабы русскіе получили увѣренность, что голосованіе пройдетъ безъ принужденія. Это повидимому не удовлетворяетъ ни тѣхъ, ни другихъ. Положеніе очень ухудшилось.

Послѣ полудня. Положеніе все ухудшается. Бѣшенныя телеграммы отъ Гинденбурга объ «отказѣ» отъ всего. Лудендорфъ телефонируетъ каждый часъ; новые припадки бѣшенства. Гофманъ очень раздраженъ. Кюльманъ «холоденъ»*, какъ всегда. Русскіе заявляютъ, что неопредѣленность нѣмецкихъ заявленій относительно свободы голосованія неприемлема. Я заявилъ Кюль-и Гоф-манамъ, что я буду идти вмѣстѣ съ ними до конца, но если ихъ усилія не приведутъ ни къ чему, то я вступлю съ русскими въ сепаратныя переговоры, такъ какъ ни Берлинъ, ни Петербургъ не хотятъ свободнаго голосованія; Австро-Венгрія же желаетъ получить наконецъ миръ. Кюльманъ понимаетъ мою точку зрѣнія и говоритъ, что онъ скорѣе самъ уйдетъ, чѣмъ допуститъ разрывъ переговоровъ. Онъ просилъ меня письменно изложить мою точку зрѣнія. Это «усилить» его положеніе. Просьба исполнена. Онъ протелеграфировалъ объ этомъ императору.

Вечеръ. Кюльманъ думаетъ, что завтра будетъ разрывъ или дѣло наладится.

28 декабря

Настроеніе вялое. Новые гнѣвные выпады изъ Крейцнаха**. Въ противоположность имъ въ полдень телеграмма Буша: Гертлингъ имѣлъ докладъ у императора Вильгельма и этотъ послѣдній вполне удовлетворенъ. Кюльманъ сказалъ мнѣ: императоръ единственно разумный человѣкъ во всей Германіи.

Мы въ концѣ концовъ примирились на коммисіонной формулѣ, т.-е. въ Брестѣ должна быть создана коммисія ad hoc, которая должна выработать детальный планъ относительно очищенія и голосованія. Это *tant bien que mal* временный выходъ. Всѣ уѣзжаютъ домой для представленія докладовъ. Ближайшее засѣданіе назначено на 5 января 1918 года.

* Не поддающаяся переводу игра словъ. Kühlmann обозначаетъ «холоднаго человѣка». Прим. пер.

** Крейцнахъ — Германская Ставка. Прим. пер.

Русскіе опять немного повесстѣли.

Вечеромъ за обѣдомъ я держалъ отъ имени русскихъ и четвернаго союза благодарственную рѣчь принцу Леопольду. Онъ тотчасъ же отвѣтилъ и очень мило, но потомъ сказалъ мнѣ: это было неожиданнымъ нападеніемъ. Для меня это тоже было неожиданнымъ, ибо германцы обратились ко мнѣ съ просьбой сказать рѣчь лишь во время обѣда.

Въ 10 часовъ вечера отъѣздъ въ Вѣну.

Отъ 29 до утра 3-го я былъ въ Вѣнѣ. Двѣ продолжительныя аудіенціи у императора дали мнѣ возможность сдѣлать докладъ о Брестѣ. Онъ, конечно, совершенно одобряетъ ту точку зрѣнія, что надо, если только возможно, добиться мира.

Я отправилъ заслуживающее довѣрія лицо въ окранныя области, чтобы установить, каково на самомъ дѣлѣ тамъ настроеніе. Онъ сообщаетъ, что всѣ, кто только не большевикъ, настроены противъ большевиковъ. Вся буржуазія, крестьяне, короче говоря, всѣ имѣющіе какую либо собственность дрожатъ передъ этими красными разбойниками и тянутся къ Германіи.

Терроръ, проводимый Ленинымъ, какъ говорятъ, не поддается описанію. Даже въ Петербургѣ всѣ страстно желаютъ вступленія нѣмецкихъ войскъ, чтобы быть освобожденными отъ этихъ людей.

3 января 1918 года

На обратномъ пути.

Въ поѣздѣ на пути въ Брестъ на одной изъ стаяцій я въ 6 часовъ вечера получилъ слѣдующую шифрованную телеграмму отъ оставшагося въ Брестѣ барона Гауша:

«Отъ русской делегаціи сегодня утромъ получена слѣдующая телеграмма изъ Петербурга по аппарату Юза: генералу Гофману для господъ представителей германской, австро-венгерской, болгарской и турецкой делегацій. Правительство русской республики считаетъ необходимымъ дальнѣйшіе переговоры вести на нейтральной территоріи и, со своей стороны, предлагаетъ перенести переговоры въ Стокгольмъ. Что касается отношенія къ предложеніямъ, высказаннымъ германской и австро-венгерской делегаціями въ пунктахъ первомъ и второмъ, то правительство русской республики а также и всероссійскій центральный исполнительный комитетъ совѣтовъ рабочихъ солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ въ полномъ согласіи съ высказаннымъ нашей делегаціей мнѣніемъ полагаютъ, что эти предложенія противорѣчатъ принципу самоопредѣленія націй даже въ той ограниченной формулировкѣ, которая была дана въ пунктѣ третьемъ отвѣтной деклараціи четвернаго союза отъ 12-го предыдущаго мѣсяца Предсѣдатель русской делегаціи А. Иоффе.» Майоръ Бривкманъ уже сообщилъ по телефону объ этомъ находящейся на пути въ Брестъ германской делегаціи. Господинъ фонъ Кюльманъ велѣлъ по телефону же дать отвѣтъ, что онъ продолжаетъ свою поѣздку и прибудетъ сегодня вечеромъ въ Брестъ.

Я, конечно, также не прерываю своего путешествія и считаю маневръ русскихъ блеффомъ; если они и не пріѣдутъ, то мы будемъ вести переговоры съ украинцами, которые должны быть уже въ Брестѣ.

Въ Вѣнѣ я видѣлся изъ политическихъ дѣятелей съ Беккомъ, Бернрейтеромъ, Гаузеромъ, Векерле, Зейдлеромъ и нѣкоторыми другими. Всѣ единогласно заявляютъ: миръ долженъ быть заключенъ, но сепаратный миръ — безъ Германіи — невозможенъ.

Но какъ я атого долженъ добиться, если ни Германія, ни Россія не захотятъ образумиться, этого мнѣ никто не сказалъ.

4 января 1918 года

Ночью была ужасная снѣжная метель. Отопленіе въ поѣздѣ замерзло и пребываніе въ немъ мало пріятно. Утромъ, когда я проснулся въ Брестѣ на

опасныхъ путяхъ стояли поѣзда болгаръ и турокъ. День изумительный, холодно, ваздухъ, какъ въ С. Морицѣ. Я пошелъ къ Кюльману, завтракалъ съ нимъ и обсуждалъ обстановку въ Берлинѣ. По его словамъ, въ Берлинѣ всё страшно возбуждено. Кюльманъ предложилъ Людендорфу, чтобы онъ поѣхалъ съ нимъ въ Брестъ и принялъ участіе въ переговорахъ. Но послѣ многочасовой бесѣды выяснилось, что самъ Людендорфъ собственно толкомъ не знаетъ, чего онъ хочетъ, и онъ самъ заявилъ, что находить свою поѣздку въ Брестъ излишней, «все что онъ можетъ тамъ сдѣлать, это напортить». Боже милостивый, дай этому человѣку почаще такія минуты просвѣтленія. Производитъ такое впечатленіе, что все озлобленіе вызвано скорѣе ревностью къ Кюльману, чѣмъ существомъ дѣла. Миръ не долженъ думать, что «дипломатическое искусство», а не военные успѣхи, привели къ заключенію мира. Генераль Гофманъ повидимому былъ очень отличенъ императоромъ Вильгельмомъ, и онъ, какъ и Кюльманъ даютъ понять, что они довольны результатами своей поѣздки.

Мы обсудили отвѣтную телеграмму въ Петербургъ, въ которой отклоняется конференція въ Стокгольмѣ, и нашу тактику на будущее время. Мы сошлись на томъ, что если русскіе не пріѣдутъ, то мы займемъ о прекращеніи перемирія, и должны будемъ пойти на рискъ ожиданія, какъ къ этому отнесутся въ Петербургѣ. Въ этомъ вопросѣ между мною и Кюльманомъ царило полное согласіе. Тѣмъ не мнѣе, настроеніе, какъ у насъ, такъ и у германцевъ было очень подавленное. Не подлежитъ сомнѣнію, что если русскіе окончательно прервутъ переговоры, то положеніе будетъ очень тяжелое. Единственное спасеніе положенія въ быстрыхъ и энергичныхъ переговорахъ съ украинской депутаціей и мы приступили поэтому къ этой работѣ тотчасъ же днемъ. Такимъ образомъ, есть еще надежда, что въ этомъ отношеніи въ ближайшее время мы добьемся положительныхъ результатовъ.

Вечеромъ послѣ обѣда пришла телеграмма изъ Петербурга, извѣщавшая о прибытіи делегаціи вмѣстѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Троцкимъ. Было любопытно видѣть, какая радость охватила германцевъ и эта неожиданная и столь бурно проявившаяся веселость доказала, какъ тяжела была для нихъ мысль, что русскіе могутъ не пріѣхать. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это означаетъ большой шагъ впередъ и у насъ всѣхъ чувство, что мы теперь дѣйствительно находимся на пути къ заключенію мира.

5 января 1918 года

Въ 7 часовъ утра нѣкоторые члены делегаціи вмѣстѣ съ принцемъ Леопольдомъ Баварскимъ отправились на охоту. Мы проѣхали по желѣзной дорогѣ отъ 20 до 30 километровъ, а потомъ въ открытыхъ автомобиляхъ поѣхали въ замѣчательный дѣвственный лѣсъ, занимающій площадь отъ 200 до 300 кв. километровъ. Погода очень холодна, но прекрасна. Много снѣга и пріятное общество. Дичи противъ всѣхъ ожиданій очень мало. Адъютантъ принца загналъ кабана, другой подстрѣлилъ двухъ зайцевъ. Вотъ и все. Возвратились въ 6 часъ вечера.

6 января 1918

Сегодня происходили первые переговоры съ украинскими делегатами; присутствовали они всё вмѣстѣ со своимъ шефомъ. Украинцы рѣдко отличаются отъ русскихъ делегатовъ. Они значительно менѣе революціонны и питаютъ несравненно больше интереса къ своей странѣ, и менѣе интереса къ всеобщему социализму. Они собственно не интересуются Россіей, но исключительно Украиной и всё ихъ усилія направлены къ тому, чтобы какъ можно скорѣй добиться самостоятельности. А должна ли быть эта самостоятельность полной, международной или только въ рамкахъ русскаго федеративнаго государства — это, повидимому, для нихъ не ясно. Очевидно, что очень умные украинскіе делегаты желаютъ использовать насъ какъ трамплинъ, оттолкнувшись

отъ котораго, они надѣются обрушиться на большевиковъ. По ихъ тактикѣ мы должны прианать ихъ самостоятельность, тогда они поставятъ большевиковъ передъ этимъ *fait accompli* и принудятъ ихъ прианать за ними ихъ полное равноправіе въ вопросѣ обсужденія и заключенія мира. Въ нашихъ же интересахъ, принудить украинцевъ согласиться на наши основы мира, или же отколоть ихъ отъ петербуржцевъ. На ихъ желаніе самостоятельности мы имъ заявили, что мы готовы прианать ихъ самостоятельность, если украинцы со своей стороны признаютъ слѣдующіе три пункта: во первыхъ, окончаніе переговоровъ въ Брестъ-Литовскѣ, а не въ Стокгольмѣ, признаніе старой государственной границы между Австро-Венгріей и Украиной и, въ третьихъ, невмѣшательство одного государства во внутреннія дѣла другого. Характерно, что на это предложеніе не получено еще никакого отвѣта.

7 января 1918

Утромъ прибыли всѣ русскіе подъ предводительствомъ Троцкаго. Они просили тотчасъ передать, что они извиняются, что не смогутъ принимать участіе въ общихъ трапезахъ. Да и кромѣ этого ихъ не видно. И повидимому, теперь дуетъ совсѣмъ другой вѣтеръ, чѣмъ въ послѣдній разъ. Германскій офицеръ, привезшій русскую делегацію изъ Минска, полковникъ баронъ Ламецанъ рассказываетъ интересныя детали объ атомъ путешествіи. Прежде всего, онъ утверждаетъ, что окопы передъ Двинскомъ совершенно пусты и что кромѣ нѣсколькихъ постовъ тамъ вообще нельзя встрѣтить русскихъ. Далѣе, что на безчисленныхъ станціяхъ делегатовъ ожидали депутаты, единогласно требовавшіе мира. Троцкій отвѣчалъ всѣмъ въ высшей степени искусно и дружественно, но это на него производило все болѣе подавляющее впечатлѣніе. У барона Ламецана создалось впечатлѣніе, что русскіе делегаты находятся въ совершенно отчаянномъ положеніи, такъ какъ они могутъ выбирать только между двумя возможностями, вернуться или безъ мира, или со сквернымъ миромъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ они будутъ прогнаны. Кюльманъ сказалъ: *Ils n'ont que le choix à quelle sauce ils se feront manger*. На это я отвѣтилъ ему: *Tout comme chez nous*.

Только что пришла телеграмма изъ Будапешта о враждебныхъ демонстраціяхъ по отношенію къ Германіи. Въ германскомъ консульствѣ были выбиты окна; ясный симптомъ, каково было бы настроеніе, если бы миръ не удался изъ за нашихъ требованій.

8 января 1918 года

Турецкій великій визирь Талаатъ Паша прибылъ въ ночь на сегодня и только что былъ у меня. Онъ повидимому всецѣло за то, чтобы заключить миръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ склоняется къ тому, чтобы въ случаѣ возможнаго конфликта съ Германіей выдвинуть меня впередъ, а самому остаться на заднемъ планѣ. Талаатъ Паша одинъ изъ способнѣйшихъ и, быть можетъ, самый энергичный изъ всѣхъ турецкихъ дѣятелей.

До революціи онъ былъ маленькимъ телеграфнымъ чиновникомъ и входилъ въ революціонный комитетъ. Въ качествѣ чиновника онъ перехватилъ правительственную телеграмму, доказывавшую ему, что революціонныя стремленія открыты и игра проиграна, если тотчасъ же не выступить. Онъ задержалъ телеграмму, предупредилъ Революціонный Комитетъ и убѣдилъ его тотчасъ же выступить. Это удалось, султанъ былъ низложенъ и Талаатъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ. Съ желѣзной энергіей въ свою очередь, началъ онъ бороться съ противоположными тенденціями. Позднѣе онъ сталъ великимъ визиремъ и вмѣстѣ съ Энверъ-Пашой онъ олицетворялъ волю и мощь Турціи.

Сегодня днемъ состоится бесѣда пяти руководителей делегацій союзниковъ и Россіи, послѣ этого — пленарное засѣданіе.

Только что засѣданіе отложено, такъ какъ украинцы еще не кончили своихъ приготовленій. Поздно вечеромъ у меня была бесѣда съ Кюльманомъ и Гофманомъ, во время которой мы довольно хорошо спѣлись по вопросу о тактикѣ. Я имъ вновь заявилъ, что я пойду вмѣстѣ съ ними и до послѣдней возможности буду защищать ихъ требованія, но въ тотъ моментъ, когда германцы окончательно порвутъ съ русскими, я сохраню за собою полную свободу дѣйствій. У меня было впечатлѣніе, что оба они достаточно ясно поняли мою точку зрѣнія, особенно Кюльманъ, который если бы это отъ него зависѣло, навѣрное, не далъ бы переговорамъ окончиться ничѣмъ. Въ частности мы сошлись на томъ, что мы въ ультимативной формѣ будемъ требовать продолженіе переговоровъ въ Брестъ-Литовскѣ.

9 января 1918

Руководясь принципомъ, что ударъ является лучшей защитой, мы рѣшили не дать русскому министру иностранныхъ дѣлъ даже возможности высказаться, но немедленно предъявить ультиматумъ.

Троцкій явился съ большой рѣчью, но успѣхъ нашего нападенія былъ столь великъ, что онъ тотчасъ просилъ отложить засѣданіе, такъ какъ новое положеніе требуетъ новыхъ рѣшеній. Перенесеніе конференціи въ Стокгольмъ было бы нашей гибелью, такъ какъ въ этомъ случаѣ было бы совершенно невозможно устранить оттуда большевиковъ всѣхъ странъ и все то, что мы съ самаго начала съ громадными усиліями старались избѣжать—какъ бы у насъ не были вырваны возжи и эти элементы не взяли на себя руководство, это неминуемо бы случилось. Теперь нужно обождать, что принесетъ намъ завтрашній день: или побѣду, или полный крахъ переговоровъ.

Троцкій несомнѣнно интересный и ловкій человѣкъ и очень опасный противникъ. У него совершенно исключительный ораторскій талантъ, быстрота и находчивость репликъ, которые мнѣ рѣдко приходилось наблюдать и при этомъ рѣдкая наглость, соотвѣтствующая его расѣ.

10 января 1918

Засѣданіе только что кончилось. Троцкій въ большой, рассчитанной на всю Европу и въ своемъ родѣ дѣйствительно красивой рѣчи уступилъ по всѣмъ пунктамъ. Онъ принимаетъ, какъ онъ заявилъ, германско-австрійско-венгерскій «ультиматумъ» и остается въ Брестъ-Литовскѣ, такъ какъ онъ не хочетъ намъ доставить удовольствіе свалить вину за продолженіе войны на Россію. Въ связи съ рѣчью Троцкаго тотчасъ была конструирована коммисія, которая займется обсужденіемъ непріятныхъ территориальныхъ вопросовъ. Я старался попасть въ коммисію, такъ какъ я хотѣлъ непрерывно контролировать ходъ столь важныхъ переговоровъ. Это было не такъ легко, такъ какъ эти вопросы по существу касались только Курляндіи и Литвы, т. е. не насъ, а Германіи.

Вечеромъ у меня была продолжительная бесѣда съ Кюль- и Гофманомъ, во время которой генераль и стаатсъ-секретарь довольно рѣзко разошлись другъ съ другомъ. Упоенный успѣхомъ нашего, предъявленнаго Россіи, ультиматума Гофманъ хотѣлъ продолжать въ томъ же тонѣ и дать русскимъ «еще одинъ хорошенькій ударъ по головѣ». Кюльманъ и я стояли на противоположной точкѣ зрѣнія и требовали приступа къ спокойнымъ и дѣловымъ переговорамъ, гдѣ каждый параграфъ одинъ за другимъ были бы разъяснены, а неясные отложены. Лишь послѣ того, какъ будетъ окончена эта работа очищенія, надо будетъ по телеграфу запросить у обоихъ императоровъ директивъ для рѣшенія вопроса объ остающихся невыясненныхъ и собранныхъ вмѣстѣ параграфахъ. Это несомнѣнно самый вѣрный путь для того, чтобы избѣжать крушенія и схода съ рельсъ.

Новый конфликтъ съ украинцами. Эти послѣдніе требуютъ признанія ихъ самостоятельности и заявляютъ, что они уѣдутъ, если это не будетъ сдѣлано.

Адлеръ рассказывалъ мнѣ въ Вѣнѣ, что Троцкій оставилъ свою бібліотеку, которую онъ очень цѣнитъ, какъ кажется, у нѣкоего Бауера въ Вѣнѣ. Я сказала Троцкому, что я распоряджусь о присылкѣ ему его бібліотеки, если бы онъ этого хотѣлъ. Велѣдъ за тѣмъ я просилъ его облегчить положеніе нѣкоторыхъ военноплѣнныхъ, такъ напримѣръ, Л. К. и В., относительно которыхъ были свѣдѣнія, что съ ними со всѣми болѣе или менѣе сиверно обращаются; Троцкій принялъ это къ свѣдѣнію. заявилъ, что онъ противъ сквернаго обращенія съ военно-плѣнными и обѣщаль навести справки; но онъ подчеркнул, что его готовность пойти навстрѣчу не стоитъ ни въ какой связи съ вопросомъ о бібліотекѣ. Онъ при всякихъ обстоятельствахъ обратилъ бы вниманіе на мою просьбу. Библіотеку онъ хотѣлъ бы получить.

11 января 1918

Утромъ и днемъ продолжительныя засѣданія комисіи по территориальнымъ вопросамъ. Съ нашей стороны въ комисіи принимали участіе Кюльманъ, Гофманъ, Розенбергъ, одинъ изъ секретарей, далѣе моя малость, Чичерикъ, Визнеръ и Коллоредо. Русскіе присутствовали въ полномъ составѣ, однако безъ украинцевъ. Я заявила Кюльману, что я хочу присутствовать лишь въ качествѣ секунданта, такъ какъ германскіе интересы въ этомъ вопросѣ несравненно болѣе затронуты, чѣмъ наши. Я лишь время отъ времени вмѣшиваюсь въ обсужденіе.

Троцкій сегодня днемъ совершилъ тактическую ошибку. Въ своей доходящей до рѣзкости рѣчи, заявилъ онъ намъ, что мы играемъ фальшивую игру, мы хотимъ аннексій и придаемъ этимъ аннексіямъ видъ права на самоопредѣленіе. Никогда онъ на это не согласится и скорѣе прерветъ переговоры, чѣмъ будетъ ихъ продолжать въ такомъ духѣ. Если бы мы были честны, то мы позволили бы пріѣхать въ Брестъ представителямъ Польши, Курляндіи и Литвы, чтобы здѣсь независимо отъ нашего вліянія они высказали свои взгляды. Къ этому надо прибавить, что съ начала переговоровъ идетъ споръ о томъ, правомочны ли нынѣ существующіе въ оккупированныхъ областяхъ законодательные органы говорить отъ имени своихъ народовъ. Мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ утвердительно, русскіе отрицательно. Мы тотчасъ же приняли предложеніе Троцкаго пригласить представителей этихъ народностей въ Брестъ, но присовокупили къ этому, что признавая ихъ свидѣтельства, мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ ихъ заявленія для насъ рѣшающими.

Интересно было наблюдать, какъ охотно Троцкій взялъ бы обратно то, что онъ сказалъ, но онъ тотчасъ же нашелся въ новомъ положеніи, сохранилъ свою выдержку и попросилъ прервать засѣданіе на 24 часа, такъ какъ онъ долженъ обсудить со своими коллегами вновь содавшееся положеніе послѣ нашего столь многозначительнаго отвѣта. Я думаю, что Троцкій не будетъ дѣлать никакихъ трудностей. Если бы поляки могли быть привлечены, то это было бы хорошо; трудность заключается въ томъ, что и германцы не хотятъ поляковъ, такъ какъ знаютъ и ихъ антипрусское настроеніе.

11 января 1918

У Радека вышла ссора съ германскимъ шоферомъ, что имѣло и свой эпизодъ. Генераль Гофманъ предоставилъ русскимъ автомобиль, они пользовались имъ для прогулокъ; на этотъ разъ автомобиль не былъ своевременно поданъ. Радекъ устроилъ шоферу грубую сцену, послѣдній пожаловался и Гофманъ взялъ шофера подъ свое покровительство. Троцкій, повидимому, призналъ точку зрѣнія Гофмана правильной и онъ вообще запретилъ всей делегаціи катаніе. Они получили свое, получили по заслугамъ.

Никто не пикнулъ. Они вообще всё трепещутъ передъ Троцкимъ и на засѣданіяхъ въ присутствіи Троцкаго никто не смѣетъ рта открыть.

12 января 1918

Гофманъ произнесъ свою несчастную рѣчь. Онъ работалъ надъ ней много времени и очень гордился ожидающимъ его успѣхамъ. Кюльманъ и я не скрыли отъ него, что онъ этой рѣчью достигнетъ лишь того, что страна начнетъ насъ травить. Это произвело на него извѣстное впечатлѣніе, которое однако было заглажено быстро пришедшей похвалой Людевдорфа. Положеніе, во всякомъ случаѣ, обострилось, что было излишнимъ.

15 января 1918

Сегодня я получилъ письмо отъ одного изъ нашихъ намѣстниковъ, обращающее мое вниманіе на то, что намъ непосредственно угрожаетъ катастрофа, вызываемая недостаткомъ питанія.

Я тотчасъ же протелеграфировалъ императору слѣдующее: «Я получилъ только что письмо намѣстника N. N., которое подтверждаетъ всё мои постоянно повторяемыя Вашему Величеству опасенія, и констатируетъ, что въ вопросѣ продовольствія намъ угрожаетъ непосредственная катастрофа. Положеніе, вызванное легкомысліемъ и неспособностью министровъ — ужасно и я боюсь, что уже поздно предупредить катастрофу, которую мы должны ожидать въ ближайшіе же дни. Мой освѣдомитель пишетъ мнѣ слѣдующее: «Изъ Венгріи мы получаемъ только незначительныя количества, изъ Румыніи лишь 10 000 вагоновъ маиса. Намъ не хватаетъ, по крайней мѣрѣ, 30 000 вагоновъ зерна, безъ которыхъ мы просто должны погибнуть. Я отправился, узнавъ о такомъ положеніи дѣлъ, къ министру президенту, чтобы переговорить съ нимъ объ этомъ. Я сказалъ ему каково положеніе: черезъ нѣсколько недѣль остановится наша военная промышленность, движеніе желѣзныхъ дорогъ, снабженіе арміи сдѣлается невозможнымъ, армію ждетъ катастрофа, и эта катастрофа приведетъ къ полному крушенію Австріи, и, вслѣдствіе этого, также и Венгріи. Онъ отвѣчалъ на всё мои отдѣльные вопросы словами: «да, положеніе таково», и прибавлялъ, что дѣлается все возможное, чтобы исправить это положеніе, особенно въ отношеніи венгерскихъ поставокъ. Но никому, даже Его Величеству, не удалось чего либо добиться. Можно только надѣяться, что Deus ex machina спасетъ насъ отъ окончательной гибели».

Я прибавилъ къ этому:

«Я не нахожу словъ для того, чтобы правильно характеризовать апатію Зейдлера. Какъ часто и какъ настоятельно я просилъ Ваше Величество своимъ энергичнымъ вмѣшательствомъ принудить съ одной стороны Зейдлера, а съ другой Гадику привести дѣла въ порядокъ. Еще отсюда я письменно заклиналъ Ваше Величество дѣйствовать, пока еще есть время. Но все напрасно».

Я развивалъ далѣе ту мысль, что единственное спасеніе могло бы заключаться въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе получить временную помощь изъ Германіи и затѣмъ реквизирировать несомнѣнно находящіеся еще въ Венгріи запасы; въ заключеніе я просилъ императора освѣдомить австрійскаго министра президента объ этой телеграммѣ.

16 января 1918 года

Отчаянные крики о помощи и требованія продовольствія изъ Вѣны. Я долженъ тотчасъ обратиться съ просьбой о помощи въ Берлинъ, въ противномъ случаѣ мы накануне катастрофы. Я отправилъ слѣдующій отвѣтъ генералу Ландверу:

«Докторъ Кюльманъ отправилъ телеграмму въ Берлинъ, но мало надѣется на успѣхъ. Единственная надежда въ томъ, что Его Величество, слѣдуя моему совѣту, немедленно и срочно протелеграфируетъ императору Вильгельму».

Послѣ моего возвращенія я наложу Его Величеству мою точку зрѣнія, заключающуюся въ томъ, что невозможно продолжать руководить вѣдѣнной политикой, если продовольственный аппаратъ столь скверно функционируетъ. Ваше превосходительство еще нѣсколько недѣль тому назадъ положительно утверждало, что мы сможемъ продержаться до ближайшаго урожая.»

Одновременно съ этимъ я отправилъ телеграмму императору: «Поступающія телеграммы доказываютъ, что положеніе у насъ начинаетъ становиться критическимъ. Что касается продовольствія, то мы сможемъ избѣжать катастрофы только при двухъ условіяхъ: во первыхъ, если намъ временно поможетъ Германія, и во вторыхъ, если мы используемъ эту временную поддержку для того, чтобы привести въ порядокъ нашъ функционирующій ниже всякой критики продовольственный аппаратъ и захватимъ находящіеся еще въ Венгріи запасы.

Я только что описалъ доктору Кюльману все положеніе и онъ отправилъ телеграмму въ Берлинъ. Однако, онъ смотритъ очень пессимистически, такъ какъ сама Германія терпитъ большой недостатокъ. Я думаю, что единственная надежда на успѣхъ нашихъ шаговъ заключалась бы въ томъ, что Ваше Величество тотчасъ черезъ военное управленіе отправило бы по юзовскому аппарату непосредственно телеграмму императору Вильгельму, въ которой Вы его настойчиво просили бы самому вмѣшаться и, посылкой аэриана воспрепятствовать — въ противномъ случаѣ неизбежному — взрыву революціи. Я особенно обращаю вниманіе еще и на то, что начало беспорядковъ у насъ въ тылу сдѣлаетъ совершенно невообразимымъ заключеніе мира здѣсь. Лишь только русскіе представители замѣтятъ приближеніе революціи, они откажутся отъ заключенія мира, такъ какъ всѣ ихъ расчеты основаны на этомъ.

17 января 1918 года

Скверныя извѣстія изъ Вѣны и ея окрестностей; большія забастовки, вызываемыя уменьшенной выдачей муки и затян timerымъ характеромъ Брестскихъ переговоровъ. Слабость Вѣнскаго министерства превосходитъ всякія ожиданія.

Я отправилъ въ Вѣну телеграмму, въ которой я выражалъ надежду, что мнѣ удастся въ скоромъ времени обезпечить доставку продовольствія изъ Украины, если ближайшія недѣли въ тылу пройдутъ спокойно и склонялись сдѣлать все возможное, чтобы не воспрепятствовать заключенію здѣсь мира. Въ тотъ же день вечеромъ я отправилъ министру-президенту доктору Зейдлеру слѣдующую телеграмму:

«Я глубоко сожалѣю, что у меня нѣтъ власти исправить всѣ ошибки, совершенныя учрежденіями, завѣдующими продовольствіемъ.

Германія категорически заявляетъ, что она не можетъ прійти на помощь, такъ какъ у нея и для себя продовольствія слишкомъ мало.

Если бы Ваше превосходительство, или подчиненныя вамъ учрежденія свое временно обратили на это вниманіе, то была бы еще возможность подвезти румынскіе запасы. При настоящемъ положеніи вещей, я не вижу никакого другого выхода, какъ примѣненіе грубѣйшаго насилія въ реквизиціи и въ отправкѣ въ Австрію венгерскихъ запасовъ, до тѣхъ поръ, пока не будутъ подвезены румынскіе и, какъ я надѣюсь, украинскіе.»

20 января 1918 года

Переговоры привели къ тому результату, что Троцкій заявилъ, что неприемлемыя для него требованія германцевъ, онъ передастъ на обсужденіе въ Петербургъ и вмѣстѣ съ тѣмъ категорически обязался вернуться обратно. Онъ согласенъ на привлеченіе представителей окраинныхъ областей только въ томъ случаѣ, если ему будетъ предоставлено право выбора лицъ. Это неприемлемо. Съ украинцами, которые, несмотря на свою молодость, обнаружили достаточную зрѣлость, чтобы использовать благоприятное для нихъ

положеніе, переговоры подвигаются впередъ съ большимъ трудомъ. Сначала они потребовали восточной Галиціи для новой «Украины». Этого нельзя было даже поставить на обсужденіе. Тогда они сдѣлались скромнѣе, но съ тѣхъ поръ, какъ у насъ начались беспорядки, они знаютъ, каково наше положеніе и что мы должны заключить миръ, чтобы получить продовольствіе. Теперь они требуютъ предоставленія восточной Галиціи особыхъ правъ. Вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ Вѣнѣ и австрійское министерство должно сказать рѣшающее слово.

Зейдлеръ и Ландверъ еще разъ телеграфно заявили, что безъ украинскаго продовольствія катастрофа въ ближайшее время неминуема. Въ Украинѣ есть продовольственные продукты; если намъ удастся ихъ получить, то мы избѣгнемъ катастрофы.

Положеніе слѣдующее: безъ подвоза извѣй — такъ утверждаетъ Зейдлеръ — черезъ нѣсколько недѣль начнется повальный моръ. Германія и Венгрія не дадутъ больше ничего. Всѣ посланцы сообщаютъ, что на Украинѣ большіе избытки, вопросъ лишь въ томъ, сможемъ ли мы ихъ своевременно заполучить. Я надѣюсь на это. Но если мы не добьемся скоро мира, то у насъ повторятся беспорядки, а съ каждой новой демонстраціей въ Вѣнѣ намъ придется дороже платить за миръ, такъ какъ господа Севрюкъ и Левицкій — по этимъ беспорядкамъ, какъ по термометру, точно опредѣляютъ степень нашего голода. Если бы люди, устроившіе эти демонстраціи, знали только, какъ они ими затруднили подвозъ украинскаго продовольствія! Мы были такъ близки къ подписанію договора!

Восточно-галиційскій вопросъ я передамъ австрійскому министерству; онъ долженъ быть рѣшенъ въ Вѣнѣ. Но холмскій вопросъ я беру на свою отвѣтственность, Я не могу и не имѣю права для сохраненія польскихъ симпатій смотрѣть, какъ сотни тысячъ умираютъ съ голоду, когда есть еще возможность помочь.

21 января 1918 года

Поѣздка въ Вѣну. Впечатленіе отъ вѣнскихъ беспорядковъ большее, чѣмъ я предполагалъ и дѣйствуетъ подавляюще. Украинцы не ведутъ больше переговоровъ, они диктуютъ.

Въ пути, при чтеніи прежнихъ протоколовъ, я нашелъ замѣтки относительно бесѣдъ, имѣвшихъ мѣсто съ Михаэлисомъ 1-го августа. По этимъ замѣткамъ помощникъ статсъ секретаря фонъ-Штуммъ говорилъ слѣдующее: «Министерство иностранныхъ дѣлъ стоитъ въ связи съ украинцами и сепаратистское движеніе на Украинѣ очень сильно. Для поддержанія ихъ движенія украинцы просили, чтобы имъ было обѣщано присоединеніе Холмской губерніи и населенныхъ украинцами областей восточной Галиціи. Поскольку Галиція принадлежитъ Австріи, постольку стремленіе присоединить восточную Галицію не выполнимо. Иначе обстояло бы дѣло, если бы Галиція соединена была съ Польшей — тогда бы уступка восточной Галиціи была возможна».

Повидимому, возбуждающій споры, вопросъ уже давно предрѣшенъ германцами. 22 января имѣло мѣсто совѣщаніе, на которомъ былъ рѣшенъ украинскій вопросъ. Императоръ открылъ совѣщаніе, послѣ чего предоставилъ слово мнѣ. Я указалъ прежде всего на трудности, противостоящія заключенію мира съ Петербургомъ, трудности уже извѣстныя по предыдущимъ замѣткамъ моего дневника. Я выразилъ свои сомнѣнія въ возможности заключенія для насъ и нашихъ союзниковъ мира съ Петербургомъ. Вслѣдъ за этимъ я изложилъ ходъ переговоровъ съ украинцами. Я сообщилъ, что украинцы первоначально потребовали уступки восточной Галиціи, что я отклонилъ. Они также поставили категорическія требованія, касающіяся русинскихъ областей, но и эти требованія разбились о мой отказъ. Теперь они требуютъ раздѣленія Галиціи и созданія самостоятельной Австрійской провинціи изъ Восточной Галиціи и Буковины. Я подчеркнулъ тѣ важныя послѣдствія, которыя можетъ имѣть принятіе украинскаго

требования на дальнѣйшее развитіе австрійско-польскихъ отношеній. Компенсаціей украинцевъ является то, что въ самомъ мирномъ договорѣ будетъ заключаться и соглашеніе по торговымъ вопросамъ, дающее намъ возможность немедленно получить продовольствіе. Крімъ того, Австро-Венгрія потребуе примѣненіе принципа полной взаимности къ живущимъ въ Украинѣ полякамъ.

Я настойчиво подчеркивалъ, что считаю своимъ долгомъ изложить ходъ мирныхъ переговоровъ, такъ какъ окончательное рѣшеніе не можетъ входить въ мою компетенцію, но только въ компетенцію всего министерства и прежде всего австрійскаго министра — президента. Австрійское правительство должно рѣшить, слѣдуетъ ли принести эту жертву, или нѣтъ, но при этомъ я, конечно, не оставилъ никакого сомнѣнія у всѣхъ присутствовавшихъ, что при отклоненіи украинскихъ пожеланій мы по всей вѣроятности, не сможемъ и въ переговорахъ съ Украиной прійти ни къ какимъ результатамъ и будемъ вынуждены, не заключивши въ Брестъ-Литовскѣ никакого мира, вернуться домой.

Послѣ меня слово взялъ министр-президентъ, докторъ Зейдлеръ. Онъ прежде всего подчеркнул необходимость немедленнаго заключенія мира, а затѣмъ освѣтилъ вопросъ о созданіи Украинской имперской провинціи, преимущественно съ парламентарной точки зрѣнія. Министръ президентъ полагалъ, что несмотря на ожидаемую ярую оппозицію поляковъ с о с т а в и т с я большинство въ двѣ трети для принятія соответственнаго законопроекта. Онъ не скрываетъ отъ себя, что такое рѣшеніе вызоветъ ожесточенную парламентскую борьбу, но еще разъ подчеркиваетъ свою надежду на сохраненіе большинства въ двѣ трети даже противъ голосовъ польской делегаціи. Послѣ Зейдлера говорилъ венгерскій министр-президентъ докторъ Векерле. Онъ привѣтствовалъ прежде всего, что украинцамъ не были сдѣланы уступки относительно живущихъ въ Венгріи русинъ. Правильное раздѣленіе національностей въ Венгріи невозможно, кромѣ того венгерскіе русины, въ культурномъ отношеніи, стоятъ слишкомъ низко для того, чтобы имъ была предоставлена національная самостоятельность. Докторъ Векерле настойчиво предостерегалъ отъ допущенія вмѣшательства въ австрійскія дѣла извнѣ, опасность подобнаго шага очень велика, мы становимся при немъ на покатую плоскость и должны твердо стоять на той точкѣ зрѣнія, что имперія должна послѣдовательно отклонять какое бы то ни было вмѣшательство извнѣ. Резюмируя свою рѣчь Векерле высказался противъ точки зрѣнія австрійскаго министра-президента.

Послѣ этого, я вторично взялъ слово, чтобы заявить, что я прекрасно понимаю громадное значеніе и великія опасности, таящіяся въ моей точкѣ зрѣнія. Это правда, что принимая ее мы становимся на покатую плоскость, но если я не сильно ошибаюсь, мы уже долгое время, благодаря войнѣ, находимся на этой покатои плоскости и не можемъ еще знать, какъ низко скатимся мы. Я поставилъ доктору Векерле прямой вопросъ, что долженъ дѣлать отвѣтственный руководитель иностранной политики, если ему австрійскій министр президентъ и оба министра продовольствія единогласно заявляютъ, что венгерская помощь продовольственными продуктами можетъ помочь намъ пережить не болѣе двухъ мѣсяцевъ, а послѣ этого катастрофа совершенно неминуема, если мы не получимъ продовольствія откуда нибудь еще. Докторъ Векерле прервалъ своими возраженіями мои заявленія. Я заявилъ тогда, что если онъ, Векерле, снабдитъ Австрію продовольствіемъ, то я первый съ радостью стану на его точку зрѣнія; но, поскольку онъ упорствуетъ въ своемъ категорическомъ отказѣ и утверждаетъ, что не можетъ ничѣмъ намъ помочь, постольку мы находимся въ положеніи человѣка, который вынужденъ для своего спасенія выпрыгнуть изъ окна четвертаго этажа. Этотъ человѣкъ не можетъ думать, сломаетъ ли онъ при этомъ себѣ ноги, или нѣтъ, и предпочитаетъ возможную смерть неотвратимой. Если положеніе дѣйствительно

таково, что по истеченіи двухъ мѣсяцевъ мы останемся безъ всякаго продовольствія, то мы должны сдѣлать выводы изъ этого положенія. Послѣ этого вторично взялъ слово докторъ Зейдлеръ и совершенно согласился со всѣми высказанными мною положеніями.

Во время дальнѣйшаго обсужденія подверглась разсмотрѣнію вѣроятность окончательной неудачи австро-польскаго рѣшенія польскаго вопроса, въ связи съ украинскимъ миромъ. Говорили также, какая ситуація создастся вслѣдствіе этого. Начальникъ отдѣленія, докторъ Граць взялъ слово, чтобы сдѣлать докладъ по этому вопросу. Докторъ Граць подчеркнул, что австро-польское рѣшеніе и въ случаѣ непріятія украинскихъ требованій все равно не можетъ увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ ему препятствуютъ германскія требованія. Германцы требуютъ, не говоря о громадномъ территоріальномъ урѣзываніи конгрессовой Польши, подавленіе польской промышленности, прано совладѣнія польскими желѣзными дорогами и государственными имуществами, а также перенесеніе части военнаго долга на Польшу. Столь ослабленную и едва жизнеспособную Польшу, которая естественно должна будетъ быть недовольной, мы не можемъ присоединять къ намъ. Докторъ Граць защищалъ ту точку зрѣнія, что было бы правильнѣе вернуться къ обсуждавшейся уже однажды въ общей формѣ программѣ, по которой объединенная Польша предоставляется Германіи и за это Румыніа присоединяется къ имперіи. Докторъ Граць подробно развилъ связанные съ этой программой вопросы. Императоръ вслѣдъ за этимъ резюмировалъ высказанные взгляды въ томъ смыслѣ, что прежде всего надо стремиться къ миру съ Петербургомъ и Украиной и что съ Украиной надо вести переговоры на основѣ раздѣленія Галиціи. Вопросъ о томъ, не должно ли быть окончательно оставлено австро-польское рѣшеніе, не былъ окончательно рѣшенъ, но пока оставленъ открытымъ.

Въ заключеніе взялъ слово общій министръ финансовъ Буріанъ, который такъ же, какъ и докторъ Векерле предостерегалъ отъ австрійской точки зрѣнія. Буріанъ подчеркивалъ, что если война должна измѣнить внутреннюю структуру имперіи, то это преобразование должно прійти изнутри, а не извнѣ, ибо только въ этомъ случаѣ оно можетъ способствовать процвѣтанію имперіи. Онъ подчеркнул далѣе, что если австрійская точка зрѣнія о раздѣленіи Галиціи будетъ осуществлена, то въ высшей степени важна форма проведенія этого раздѣленія. Баронъ Буріанъ совѣтовалъ относящіеся къ этому вопросу параграфы не включать въ мирный договоръ, но въ его секретное приложение. Въ этой формѣ, по мнѣнію Буріана, заключается единственная возможность ослабить тяжелыя послѣдствія предпринимаемыхъ австрійскимъ правительствомъ шаговъ. —

Таковы сохранившіяся въ моемъ дневникѣ записи о совѣщаніи. Такимъ образомъ, австрійское правительство было не только своевременно освѣдомлено о проэктируемомъ соглашеніи съ Украиной, но это соглашеніе было предпринято согласно его прямой волѣ, по его настоянію и на его отвѣтственность.

28 январн 1918

Вечеромъ приѣхалъ въ Брестъ.

29 января 1918

Приѣхалъ Троцкій.

30 января 1918

Первое пленарное засѣданіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что революціонныя выступленія въ Австріи и Германіи колоссально усилили надежду у петербуржцевъ на возможность переворота, и мнѣ кажется, что совершенно невозможно прійти съ русскими къ какому бы то ни было результату. Со стороны русскихъ явно просвѣчиваетъ, что они рассчитываютъ на взрывъ міровой революціи въ ближайшія недѣли и ихъ тактика направлена на то, чтобы выиграть время и дождаться этого момента.

Засѣданіе не привело ни къ какому результату. Кюльманъ и Троцкій только обмѣнились колкостями. Сегодня первое засѣданіе комиссіи, обсуждающей территоріальные вопросы, въ которой я приму на себя председательствованіе и буду говорить объ интересующихъ насъ территоріальныхъ вопросахъ.

Въ теперешнемъ положеніи единственно интереснымъ является то, что отношенія между Петербургомъ и Кіевомъ значительно ухудшились и кіевская комиссія вообще не признается большевиками за самостоятельную.

1 февраля 1918

Засѣданіе подѣ моимъ председательствомъ о территоріальныхъ вопросахъ съ петербургскими русскими. Я стремлюсь къ тому, чтобы использовать вражду петербуржцевъ и украинцевъ и заключить, по крайней мѣрѣ, миръ съ первыми или со вторыми. При этомъ у меня есть еще слабая надежда, что заключеніе мира съ одной изъ сторонъ окажетъ столь сильное вліяніе на другую, что мы быть можетъ добьемся мира съ обѣими.

Какъ и слѣдовало ожидать, Троцкій на мой вопросъ, признаетъ ли онъ, что украинцы самостоятельно могутъ вести переговоры о своей границѣ съ нами, отвѣтилъ категорическимъ отрицаніемъ. Послѣ этого мы обмѣнялись незначительными замѣчаніями и я предложилъ отложить засѣданіе и созвать пленарное засѣданіе, дабы кіевскіе и петербургскіе представители могли совмѣстно обсудить вопросъ.

2 февраля 1918 года

Я просилъ украинцевъ открыто, наконецъ, высказать свою точку зрѣнія петербуржцамъ и успѣхъ былъ даже слишкомъ великъ. Грубости, высказанныя украинскими представителями петербуржцамъ сегодня, были просто комичными и доказали, какая пропасть отдѣляетъ оба правительства, и что не наша вина, если мы не можемъ заключить съ ними одного договора. Троцкій былъ въ столь подавленномъ состояніи, что вызывалъ сожалѣніе. Совершенно блѣдный, съ широко раскрытыми глазами, онъ нервно что то рисовалъ на пропускной бумагѣ. Крупныя капли пота текли съ его лица. Онъ повидимому глубоко ощущалъ униженіе отъ оскорбленій, наносимыхъ ему его же согражданами въ присутствіи враговъ.

Здѣсь только что были оба брата Рихтгофены. Старшій изъ нихъ сбиль около 60-ти, а младшій «только» около 30-ти вражескихъ летчиковъ въ воздушныхъ бояхъ. У старшаго лицо, какъ у молодой красивой дѣвушки. Онъ раасказывалъ мнѣ, «какъ это дѣлается». По его словамъ это очень просто. Надо только близко подлетѣть сзади къ вражескому летчику и затѣмъ стрѣлять въ упоръ — тогда противникъ падаетъ внизъ. Надо только побороть въ себѣ «собственного негодяя» и не бояться очень близко подлетѣть къ противнику. Современные герои.

Два интересныхъ случая рассказали мнѣ по поводу пріѣзда обоехъ Рихтгофеновъ.

Англичане назначили премію за голову старшаго. Когда объ этомъ узналъ Рихтгофенъ, онъ заявилъ имъ въ сброшенной запискѣ, что, чтобы они легче могли его узнать, съ завтрашняго дня онъ выкраситъ свой аппаратъ ярко красной краской. На слѣдующее утро всѣ аппараты, бывшіе подѣ его начальствомъ, были выкрашены въ красную краску. Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного.

Второй случай: Рихтгофенъ и одинъ англичанинъ вертѣлись другъ около друга и, какъ сумасшедшіе, обстрѣливали одинъ другого. Они все больше сближались и совершенно отчетливо могли уже видѣть лицо другъ друга. Неожиданно, что то портится въ пулеметѣ Рихтгофена и онъ не можетъ больше стрѣлять. Англичанинъ смотритъ удивленно на него: и понявъ въ чемъ дѣло, привѣтствуетъ его рукой и улетаетъ. . . Я хотѣлъ бы познакомиться съ этимъ англичаниномъ, чтобы сказать ему, что въ моихъ глазахъ онъ выше героевъ древности.

3 февраля 1918.

Отъездъ въ Берлинъ. Кюльманъ, Гофманъ, Коллоредо.

4 февраля 1918.

Пріездъ въ Берлинъ. Днемъ вичего не было, германцы совѣщаются отдѣльно.

5 февраля 1918

Въ продолженіе всего дня засѣданія. У меня было нѣсколько острыхъ столкновений съ Людендорфомъ. Желаемая ясность, если и не достигнута, то мы во всякомъ случаѣ на пути къ ней. Кромѣ выясненія тактики въ Брестѣ идетъ вопросъ о томъ, чтобы, наконецъ, письменно установить, что мы обязаны сражаться только за сохраненіе до-военныхъ границъ Германіи. Людендорфъ рѣзко возражалъ и сказалъ: «если Германія заключитъ миръ безъ прибыли, то она проиграла войну.»

Когда раздорѣчіе все больше обострилось, ко мнѣ подошелъ Гертлингъ и тихо сказалъ: «Оставьте его. Мы сдѣлаемъ это вдвоемъ безъ Людендорфа.»

Я сейчасъ разработаю проектъ и пошлю Гертлингу. Вечеръ: обѣдъ у Гогенлоэ.

6 января 1918 года

Вечеромъ пріѣхали въ Брестъ. Визнеръ отлично и безъ усталости работаль; положеніе сдѣлалось яснѣе еще и потому, что вчера пріѣхалъ лидеръ австрійскихъ русиновъ, Николай Василько и хотя онъ, очевидно увлеченный той ролью, которую теперь играютъ въ Брестѣ его русско-украинскіе товарищи, высказывается здѣсь много болѣе національно шовинистически, чѣмъ раньше въ Вѣнѣ, намъ все же удалось окончательно выяснить минимумъ украинскихъ требованій. Я совѣтовалъ въ Берлинѣ закончить переговоры съ украинцами, какъ можно скорѣе. Послѣ этого я отъ имени Германіи началъ бы переговоры съ Троцкимъ и увидѣлъ бы, нельзя ли путемъ разговора съ глазу на глазъ окончательно выяснить, возможно ли соглашеніе или нѣтъ. Это мысль Граца. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій съ этимъ согласились и

7 февраля 1918 года

произошла моя бесѣда съ Троцкимъ. Я ваялъ съ собою Граца, который превзошелъ всѣ мои ожиданія. Я началъ съ того, что сказалъ Троцкому, что по моему впечатлѣнію мы находимся наканунѣ разрыва и возобновленія войны; я хотѣлъ бы знать, прежде чѣмъ предпринять этотъ тяжкій по своимъ послѣдствіямъ шагъ, дѣйствительно ли это является совершенно ненабѣжнымъ. Я поэтому прошу г-на Троцкаго мнѣ откровенно и ясно высказать тѣ условія, которыя онъ можетъ принять. Въ отвѣтъ на это Троцкій очень откровенно и ясно заявилъ, что онъ отнюдь не столь наивенъ, какъ мы повидимому это предполагаемъ, что онъ отлично знаетъ, что сила является самымъ сильнымъ аргументомъ, и что центральныя державы могутъ отнять у Россіи окраинныя области. Онъ уже неоднократно въ засѣданіяхъ хотѣлъ помочь Кюльману и говорилъ ему, что вопросъ идетъ не о правѣ свободнаго самоопредѣленія народовъ въ оккупированныхъ областяхъ, но о грубыхъ и голыхъ аннексіяхъ, и что передъ силой онъ долженъ склониться. Никогда онъ не откажется отъ своихъ принциповъ и никогда онъ не заявитъ, что онъ признаетъ это толкованіе права самоопредѣленія народовъ. Германцы могутъ коротко и ясно заявить, каковы тѣ границы, которыя они требуютъ, тогда онъ установитъ передъ всей Европой, что дѣло идетъ о грубыхъ аннексіяхъ, но что Россія слишкомъ слаба, чтобы сопротивляться. Только Моондзунскіе острова кажутся для него непереваримымъ кускомъ. Вслѣдъ за этимъ, и это очень характерно, Троцкій заявилъ, что онъ никогда не согласится на то, что мы заключимъ миръ съ Украиной, такъ какъ Украина не находится больше въ рукахъ Рады, но въ рукахъ его войскъ. Украина является частью Россіи и заключеніе мира съ нею означало бы вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи. Положеніе дѣлъ повидимому таково, что приблизительно 10 дней тому назадъ дѣйстви-

тельно русскія войска захватили Кіевъ, но затѣмъ были вновь прогнаны оттуда и Рада теперь вновь держитъ власть въ своихъ рукахъ. Освѣдомленъ ли Троцкій объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве или говорятъ сознательно неправду, трудно установить, но кажется вѣрно первое.

Пропала послѣдняя надежда придти къ соглашенію съ Петербургомъ. Въ Берлинѣ схваченъ призывъ петербургскаго правительства, въ которомъ оно возбуждало германскихъ солдатъ, призывало ихъ къ убійству императора и генераловъ и къ братанію съ совѣтами. Вслѣдъ за этимъ пришла телеграмма отъ императора Вильгельма къ Кюльману съ приказомъ немедленно прервать переговоры и потребовать кромѣ Курляндіи и Литвы также и неоккупированныя области Лифляндіи и Эстляндіи, — не обращая вниманія на право самоопредѣленія народовъ.

Низость атихъ большевиковъ дѣлаетъ переговоры невозможными. Я не могу обвинять Германію въ томъ, что она воаумущается такимъ поведеніемъ; но приказъ изъ Берлина все же не можетъ быть исполненъ. Мы не хотимъ увеличивать наши трудности еще Лифляндіей и Эстляндіей.

8 февраля 1918 года

Сегодня вечеромъ должно состояться подписаніе мира съ Украиной. Первый миръ въ эту ужасную войну. Но сидитъ ли Рада дѣйствительно въ Кіевѣ? Василько покачалъ мнѣ телеграмму по аппарату Юза, датированную 6 сего мѣсяца изъ Кіева и адресованную мѣстной украинской делегаціи, и Троцкій отклонилъ мое предложеніе послать въ Кіевъ австрійскаго офицера генеральнаго штаба съ тѣмъ, чтобы онъ намъ принесъ аутентическія извѣстія. Очевидно, что его утвержденіе, что большевики являются господами Украины, было только хитростью. Кромѣ того, Грацъ скачалъ мнѣ, что Троцкій, съ которымъ онъ говорилъ сегодня утромъ, очень подавленъ тѣмъ, что мы все же сегодня заключаемъ миръ съ Украиной. Это укрѣпляетъ меня въ рѣшеніи подписать его. Грацъ условился съ Петербуржцами устроить завтра за сѣданіе. На немъ будетъ выяснено, возможно ли соглашеніе или неизбѣженъ разрывъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Брестское интермеццо большими шагами приближается къ своему концу.

Послѣ заключенія мира съ Украиной я получилъ отъ императора слѣдующую телеграмму:

Императорскій поѣздъ 9 февраля 1918 года.

Глубоко заволнованный и обрадованный извѣстіемъ о заключеніи мира съ Украиной, выражаю я вамъ, дорогой графъ Чернинъ, отъ всего сердца благодарность за вашу цѣлесообразную и успѣшную работу. Вашими усиліями Вы соудали прекраснѣйшій день моего до сихъ поръ столь богатаго заботами правленія и я молю Всемогущаго Бога, чтобы онъ и далѣе поддерживалъ васъ на трудномъ пути — на благо имперіи и ея народовъ.

Карль».

11 февраля 1918 года

Троцкій отказывается подписать миръ. Ни миръ, ни война.

Разрушительное дѣйствіе вѣнскихъ безпорядковъ выясняется изъ слѣдующаго сообщенія г-на фонъ Скржинскаго, изъ Монтрё, 12 февраля 1918 г. Скржинскій пишетъ: я уаналъ изъ достовѣрнаго источника, что Франція встала на слѣдующую точку зрѣнія: «Мы были уже готовы приступить къ предварительнымъ переговорамъ съ Австріей. Но теперь возникаетъ вопросъ, достаточно ли она прочна для той роли, которую ей хотѣли дать играть. Опасно класть въ основу новаго правленія политики государство, которому, быть можетъ, уже угрожаетъ судьба Россіи»:

Къ этому Скржинскій прибавляетъ: въ самые послѣдніе дни я слышалъ: «Рѣшено выждать нѣкоторое время».

Наше положеніе во время переговоровъ съ Петербургомъ было такимъ образомъ слѣдующее: было невозможно заставить германцевъ стать на точку зрѣнія отказа отъ Курляндіи и Литвы. Физической силы у насъ не было. Съ одной стороны давленіе, оказываемое высшимъ командованіемъ, а съ другой нечестная игра русскихъ сдѣлала это невозможнымъ. Мы стояли поэтому передъ альтернативой, или при подписаніи мира отдѣлиться отъ Германіи и подписать сепаратный мирный договоръ, или же совместно съ тремя союзниками подготовить миръ, заключающій въ себѣ въ скрытомъ видѣ аннексію русскихъ окраинныхъ областей.

Первая часть альтернативы включала въ себя большую опасность, что уже замѣтная въ четверномъ союзѣ трещина разрастется въ пропасть. Четверной союзъ не могъ болѣе выносить такихъ экспериментовъ. Мы стояли наканунѣ грандіознаго послѣдняго военнаго напряженія и замкнутость четвернаго союза ни подъ какимъ видомъ не могла быть поколеблена. Съ другой стороны, угрожала опасность, что Вильсонъ, единственный государственный человѣкъ въ мірѣ, готовый поддержать мысль о компромиссномъ мирѣ, получить въ нашемъ мирномъ договорѣ неправильную картину нашихъ намѣреній. Я надѣялся тогда — и въ этомъ я не ошибся — что этотъ выдающійся человѣкъ пойметъ положеніе и увидитъ, что мы дѣйствовали подъ давленіемъ принужденія. Его рѣчи, которыя онъ произнесъ по нашему адресу послѣ заключенія Брестскаго договора, подтвердили правильность моего предположенія.

Миръ съ Украиной былъ заключенъ подъ давленіемъ начинающагося голода. Онъ носитъ на себѣ характерныя черты своего происхожденія. Это несомнѣнно. Но также несомнѣнно, что мы не смотря на то, что изъ Украины мы получили гораздо меньше, чѣмъ ожидали, безъ украинскаго продовольствія вообще не могли бы дотянуть до новаго урожая. По подсчету, весною и лѣтомъ 1918 года къ намъ изъ Украины прибыли сорокъ двѣ тысячи вагоновъ. Было невозможно получить это продовольствіе откуда нибудь еще. Милліоны людей были спасены благодаря этому отъ голодной смерти. Пусть помнятъ объ этомъ тѣ, кто осуждаетъ Брестскій миръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что при большихъ запасахъ, находившихся въ Украинѣ, несравненно большее количество могло бы быть доставлено въ Австрію, если бы лучше функционировалъ аппаратъ собиранія и транспорта.